

УДК 94(476)«1941/1944»:332.012.34

Е. А. Гребень, доцент (БГАТУ)

ГОРОДСКОЕ КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье рассматривается механизм управления муниципальными службами в Беларуси в период нацистской оккупации. Реконструирована структура муниципальных служб, определены функции местной администрации, которая обеспечивала управление коммунальными службами. Отмечается, что оккупационные власти сохранили довоенную структуру коммунальных служб. Поскольку белорусская экономика была источником обеспечения немецкой армии, местная администрация не могла должным образом обеспечивать работу коммунальных служб. Это привело к резкому ухудшению жилищных условий, дефициту топлива, воды, электроэнергии.

The mechanism of operation of municipal communal services in Belarus in the period of the Nazi occupation is considered in the article. The structure of the municipal communal services is reconstructed; the functions of units of local auxiliary administration that provided for operation of the communal services are defined. It is noted that the occupation authorities kept a pre-war structure of the communal services. Since Belarusian economy was a source for providing the German army, the local auxiliary administration couldn't provide for the necessary level of operation of the communal services. This fact led to sharp deterioration of living conditions of the citizens, deficit of fuel, water, and electricity.

Введение. Немецкие оккупационные власти столкнулись с необходимостью поддержания в работоспособном состоянии городского коммунального хозяйства для обеспечения потребностей оккупационной администрации, вермахта и городского населения, служившего рабочей силой для нужд военной экономики рейха. На основании материалов областных государственных архивов будет проведена попытка реконструировать механизм функционирования городского коммунального хозяйства Беларуси в период нацистской оккупации.

Основная часть. Осенью 1941 г. в составе городских управ были созданы подразделения, отвечавшие за поддержание коммунального хозяйства. В разных городах названия и функции таких структур могли отличаться, но в целом были воссозданы довоенные учреждения. Например, в составе Могилевского городского управления существовали следующие подразделения, обслуживающие коммунальное хозяйство: 1) общеадминистративный отдел (водно-спасательная станция, мастерская по ремонту пишущих машинок, наблюдатели метеорологической службы, почта); 2) отдел городского инженера (санитарно-технический, дорожный, строительный подотделы, пожарно-сторожевая охрана, водоканал); 3) промышленный отдел (топливный подотдел, мастерские, бани, мельницы); 4) земельный отдел; 5) транспортный отдел; 6) отдел народного образования; 7) жилищный отдел с 11 жилищными участками. Всего в отделах и подотделах городского управления и подведомственных ему учреждениях и организациях насчитывалось 1775 человек, из которых коммунальным хозяйством занимались более 700 человек [1, л. 25–26].

В составе Витебской городской управы существовали отдел очистки, занимавшийся ассенизацией, подотдел благоустройства, похоронное бюро, баня, водопровод, радиоузел, транспортный отдел, ремонтно-стороительная контора [2, л. 6–13].

Задачей жилищных отделов являлась эксплуатация, сохранение и расширение жилищного фонда. Имеющие источники позволяют проследить общие моменты и различия в работе этой службы по сравнению с довоенным периодом на примере г. Могилева (ранее эту же задачу выполнял городское жилищное управление городского совета). Если городское жилищное управление производило как эксплуатацию, так и ремонт различной степени сложности (в городе до июня 1941 г. практически не было квартир, не пригодных для жилья), то жилищный отдел практически не занимался ремонтом зданий, за исключением мелких ремонтных работ в крайне незначительных объемах, по причине отсутствия средств. Если ранее ведомственные здания содержались учреждениями и организациями, то теперь их эксплуатация и ремонт были в компетенции жилотдела.

В отличие от довоенного времени, в Могилеве были введены фиксированные ставки квартплаты в размере 2 руб. за м² (до войны в зависимости от удобств квартиры и доходов жильца ставки колебались от 3 коп. до 1,32 руб. за м²). Для горожан, пользовавшихся коммунальными квартирами, война обернулась ростом квартплаты при низких ставках заработной платы. В коммунальных домах Оршанского городского управления квартплата зависела от материального положения жильца: рабочие с заработком до 150 руб. платили 0,4 руб. в благоустроенных квартирах

и 0,3 руб. в неблагоустроенных, при заработке 400 руб. и выше – 0,9 (0,7) руб. [3, л. 31].

Бедственное материальное положение подавляющей части горожан не позволяло им оплачивать возросшие коммунальные тарифы, в результате чего в городские управы уже с осени 1941 г. регулярно поступали многочисленные прошения об уменьшении или отмене квартплаты. Жилотделы и собесы рассматривали просьбы, и в случае, если констатировалось сложное материальное положение просителя, принимали решения об уменьшении квартплаты или освобождении на определенный период (месяц, несколько месяцев), или отказывали в прошении [4, л. 204].

Жилотделы брали на учет сохранившийся жилищный фонд, особо учитывались жилые дома, покинутые владельцами. Началась выдача ордеров нуждающимся гражданам, переселение жильцов по требованию властей (дома для нужд вермахта, административных нужд, уплотнение жильцов). В ведении жилищных отделов находилось также распределение имущества и мебели из покинутых домов, регулирование многочисленных конфликтов и споров [5, л. 62 об.]. На домах, отведенных под нужды вермахта, вывешивались объявления, в которых также содержалась угроза наказания за повреждение этих помещений. Аналогичным образом маркировались и частные квартиры местного населения, куда воспрещался доступ солдатам вермахта [6, л. 30, 31].

Нехватка жилищного фонда в годы оккупации представляла для горожан серьезнейшую проблему. Дефицит жилья в городах БССР ощущался и до войны, с началом оккупации проблема стала еще острее. Во-первых, в ходе оборонительных боев лета 1941 г. города были значительно разрушены, часть домов была или уничтожена, или находилась в аварийном состоянии. Наблюдавшийся в первые месяцы войны отток городского населения (попытка эвакуироваться, переждать боевые действия в сельской местности и т. д.) сменился возвращением части горожан и притоком жителей их других регионов. Многие здания (как административные, так и жилые) были заняты расквартированными в городе частями вермахта, что вынуждало горожан, как правило, и без того проживавших в стесненных условиях, еще более уплотняться. Ряд домов повреждался или уничтожался в ходе налетов советской авиации, ставших особенно интенсивными с осени 1943 г., когда началось освобождение Беларуси.

Весь период оккупации, но без особого успеха, велась борьба с разбором нежилых или бесхозных построек. Бургомистры регулярно издавали запреты самовольного демонтажа по-

строек, угрожали строгой ответственностью, но изменить ситуацию не могли. В условиях тотального дефицита топлива и стройматериалов, необходимых для текущего ремонта или восстановления построек, пострадавших от боевых действий летом 1941 г., демонтаж пустующих строений был для горожан практически единственным способом решения проблемы. Городская администрация рассматривала эти объекты как коммунальную собственность.

Распоряжения глав местной администрации разных городов в разные периоды оккупации относительно сохранности жилого фонда очень похожи. Например, бургомистр Орши, как и его бобруйский коллега, годом ранее констатировал, что «поломка построек всех видов, как каменных, так и деревянных... вошла в систему, что противоречит интересам военного времени, а также и интересам городского населения», и грозил виновным наказанием [7, л. 20].

С началом оккупации санитарное состояние городов ухудшилось. Появились несанкционированные свалки, нечистоты долгое время не вывозились, и городские власти были не в состоянии справиться с проблемой накопления мусора. Можно сравнить санитарное состояние г. Могилева до и после оккупации. Ранее очистка города производилась Автогужтранспортом, который представлял собой самостоятельную хозяйственную единицу при Могилевском горсовете. Каждый жилищный участок имел лошадей для вывозки мусора, учреждения и предприятия самостоятельно занимались очисткой подведомственной территории; ежедневно на очистке города работало несколько автомашин и около 100 лошадей. В годы войны нечистоты вывозили 5–10 лошадей, выделяемых транспортным отделом. В результате, по оценкам сотрудников могилевской администрации, санитарное состояние города до войны было значительно лучше, чем в оккупационный период [5, л. 62].

Коммунальные службы регулярно отмечали сложное санитарное состояние в городах (причины – недостаток дворников, нежелание или отсутствие у горожан, занятых добычей пропитания, времени на уборку), издавали бесконечные распоряжения, предписывающие домовладельцам и руководителям предприятий и учреждений производить уборку улиц и дворов. Активизация мероприятий по уборке обычно происходила весной. Многочисленные распоряжения местной администрации не давали эффекта, угрозы штрафов не помогали, хотя горожане регулярно подвергались санкциям за антисанитарию. В г. Витебске за антисанитарное состояние полагался штраф до 4000 руб. и 14 дней принудительных работ [4, л. 8].

Встречалось халатное отношение коммунальных служб к вопросу очистки. В приказе бургомистра Бобруйска от 27.02.1942 г. отмечалось, что имеются случаи, когда асенобоз, мясокомбинат и воинские части складировали мусор в пределах городской черты. Для свалки мусора очерчивались специальные места, контроль за исполнением распоряжения возлагался на домоуправления и полицию. Весной 1943 г. бургомистр Бобруйска оценивал работу по очистке города как неудовлетворительную и обязывал жилотдел и ассенизационный обоз немедленно приступить к очистке дворов, улиц, туалетов и мусорных ящиков, приказывал убрать появившиеся несанкционированные свалки, туалеты граждан с берегов рек Бобрульки и Днепреца. Предписывалось оповестить население об ответственности за загрязнение русла рек (штраф или отправка в трудовой лагерь) [8, л. 34].

В крупных городах осенью 1941 г. были представлены пожарные дружины. Пожары представляли значительную проблему для городов, в которых доминировали деревянные постройки. В г. Витебске с 1.10.1941 г. по 1.10.1942 г. в домах, принадлежащих домоуправлению и промышленным предприятиям, по неполным данным произошло 15 пожаров. Пожарные службы проводили также профилактическую работу. Из отчета витебской пожарной охраны за январь – сентябрь 1942 г. следует, что было произведено профилактическое обследование 1961 жилого дома, 37 предприятий, 70 мастерских, 15 столовых, в 105 домах составлены акты об обнаружении дефектов, расследованы причины 27 пожаров [9, л. 14, 23]. Для очистки дымоходов от сажи в городе действовал трубоотряд [10, л. 178].

Осенью 1941 г. в крупных городах Беларуси было восстановлено электроснабжение. Электроэнергией в первую очередь обеспечивались подразделения оккупационной администрации, вермахт, предприятия и учреждения. Гражданское население обеспечивалось электроэнергией по остаточному принципу. В Могилеве энергоснабжение города обеспечивала ТЭЦ, которая подчинялась германскому командованию, а не городскому управлению. Сырьем для электростанции служил торф. ТЭЦ обеспечивала подачу электроэнергии на предприятия и учреждения города и объекты вермахта [11, л. 25]. В 1941 г. были установлены новые тарифы на электроэнергию по группам потребителей. Государственным учреждениям электроэнергия отпускалась по 0,5 руб. за 1 кВт/час (до войны – 0,41 руб.), предприятиям бытового обслуживания и учреждениям торговли были сохранены довоенные тарифы (1,1 руб. и 1,65 руб.), практически не выросли тарифы для предприятий, но для част-

ных абонентов увеличились с 0,25 до 1,7 руб., более чем в 6 раз [12, л. 60]. Категорически запрещалось также использовать электроэнергию для отопления помещений. Регламентировалась подача электроэнергии различным группам потребителей. Например, водонасосные станции и крупные общественные здания могли получать электроэнергию с 23.00 до 6.00, предприятия, использующие силовые электроустановки – с 8.00 до 16.00. Гражданам разрешалось использовать электрические лампочки накаливания 20 Вт, нарушения данной нормы влекло отключение электроэнергии [13, л. 133].

В ноябре 1941 г. был издан приказ бургомистра Бобруйска, согласно которому все горожане, пользующиеся электроэнергией, должны были зарегистрироваться в абонентном отделе городской управы. Жителям, которые подключались к электросети без санкции управления техническими предприятиями, угрожал штраф в размере 100 руб. Воспрещалось пользоваться электрочайниками и другими нагревательными приборами под угрозой штрафа в 300 руб. Суммарная мощность всех источников потребления электроэнергии в одной квартире разрешалась в 100 Вт. В случае нарушения превышения нормы виновные должны были оплатить электроэнергию в пятикратном размере, считая с 1.08.1941 г.

Пресечь несанкционированное потребление электроэнергии не удавалось. По сравнению с довоенным временем тарифы на электроэнергию возросли, плюс не все горожане могли легально пользоваться электроэнергией, поэтому некоторые пытались нелегально подключиться к сети. В ноябре 1941 г. начальник управления технических предприятий доносил начальнику бобруйской полиции, что, несмотря на ряд мероприятий по борьбе со злоупотреблениями, граждане регулярно продолжали несанкционированно пользоваться электроэнергией, многие включали лампы по 200–300 Вт.

13.12.1941 г. бургомистр Бобруйска рассмотрел следственный материал на двух жителей (мать и сын), самовольно подключившихся к электросети. Из материала следовало, что к обвиняемым во двор явился контролер для проверки, и пока он отбивался от собак, спущенных хозяйкой, та вывернула лампочки из трех патронов, скрывая следы нарушения. Патроны были опломбированы. Во время повторной проверки электриком обнаружил, что граждане продолжают пользоваться электричеством, подключаясь к кабелю с помощью английских булавок, что создавало пожароопасную ситуацию. Выяснилось, что обвиняемый гражданин обеспечивал электроэнергией и своих соседей, имея монтерские кошки, лазил на

столб и подсоединял кабель. Нарушители были оштрафованы по 500 руб. и 7-дневным тюремным заключением, лишены права пользования электроэнергией [14, л. 49].

С осени 1941 г. была возобновлена подача воды предприятиям и гражданам. В Могилеве на основании распоряжения бургомистра с 1.09.1941 г. была введена плата за пользование водой и установлены тарифы. Оплата взималась за получение воды из всех источников, за исключением копаных колодцев и открытых водоемов. Стоимость кубометра воды устанавливалась в размере 0,7 руб., ее очистки в канализованных домах – 1 руб. Государственные учреждения, предприятия, кустарные предприятия и частные лица были обязаны приобрести за наличный расчет абонементные книжки (за выдачу уплачивалось 2 руб.) за пользование водой, оплата должна была производиться не позднее 18 числа каждого месяца, разрешалась оплата за полгода вперед. В случае невыполнения постановления гражданам без предупреждения отключали воду, к организациям применялись штрафные санкции. Ежемесячная плата за воду по тарифам Водоканала в домах, канализованных с горячим отоплением, составляла 4,2 руб., без горячего отопления – 2,52 руб., в домах с децентрализованной канализацией (имеющих отводы воды) – 1,9 руб., в домах не канализованных – 1,26, за пользование водой из уличных водозаборов – 0,84, за воду для скота 0,52–2,1 руб.; для транспорта – 1,06; для полива огородов 0,1 (за м²) [13, л. 92, 94].

Имеющиеся в городах бани не удовлетворяли потребности горожан. Учитывая дефицит и цены на топливо, помывка в холодных домах не всегда была возможна. Дефицитным товаром было мыло, поэтому баня оставалась для многих горожан единственно возможным способом поддержания гигиены, борьбы с традиционным спутником военного лихолетья – вшами, создававшими угрозу распространения эпидемических заболеваний. Типичной картиной были длинные очереди к баням, которые работали нерегулярно, часто были заняты вермахтом, имели недостаточную пропускную способность и часто находились в антисанитарном состоянии [15, л. 2+об.].

Заключение. Структура городского коммунального хозяйства во многом напоминала довоенную, подразделения выполняли схожие с довоенными задачи. К концу 1941 г. коммунальные предприятия были воссозданы и приступили к работе. Поскольку немцы стремились извлечь из оккупированной Беларуси максимум ресурсов для обеспечения вермахта и рейха, то местная вспомогательная администрация не имела средств для поддержания на должном уровне городского коммунального хозяйства, что обернулось для гражданского населения ухудшением санитарной обстановки, острым дефицитом воды, топлива, электроэнергии и ухудшением жилищных условий.

Литература

1. Государственный архив Могилевской области. – Фонд. 259. – Оп. 1. – Д. 29.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 586.
3. Государственный архив Витебской области. – Фонд. 2074. – Оп. 2. – Д. 39.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд. 2073. – Оп. 1. – Д. 99.
5. Государственный архив Могилевской области. – Фонд. 259. – Оп. 1. – Д. 23.
6. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 26.
9. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 142.
10. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 11.
11. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 278. – Оп. 1. – Д. 2.
12. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 29.
13. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
14. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 2.
15. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 46.

Поступила 02.04.2010